

ЕЛЬЧАНИНОВ Петр Михайлович — аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; petr.elchaninov@yandex.ru)

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА, 1921–1928 гг.

(на материалах Курской губернии)

Аннотация. Статья посвящена одной из недостаточно изученных в современной российской историко-правовой науке проблеме — особенностям развития региональной преступности и борьбе с ней в период нэпа (1921–1928 гг.). Географические границы исследования обозначены территорией современной Белгородской области (на тот момент это были южные и юго-восточные уезды Курской и один юго-западный уезд Воронежской губерний). Исследование базируется на широком круге источников, прежде всего архивных. Значительный пласт документов был извлечен автором из региональных архивохранилищ страны (ГАБО, ГАКО). В статье также использованы материалы Центрального архива ФСБ России. Подавляющее большинство документов впервые вводятся в научный оборот. Исследование дает широкую палитру повседневной жизни населения советской провинции в условиях перехода к нэпу. Особое внимание автор уделяет причинам и условиям воспроизводства различных видов преступности в 1920-х гг. в типичной советской провинции.

Ключевые слова: Курская губерния, бандитизм, разновидность преступлений, характеристика состава преступления

Изучение такого опасного социального явления, как преступность, в историческом развитии России вызывает интерес у многих представителей современной науки. Во-первых, это связано с событиями, происходящими в нашей стране в конце XX — начале XXI в., которые по своему развитию во многом аналогичны событиям столетней давности, но имеют собственные специфические характеристики. Во-вторых, существование и деятельность преступных элементов во всем мире в целом и в России в частности являются актуальнейшей социальной проблемой. В-третьих, преступная деятельность во многом является одним из способов проявления протеста по отношению к тем эволюционным процессам, которые происходили, происходят и будут происходить в обществе.

В данной статье под преступлением понимается социальное явление, ведущее к разрушению уклада общественной жизни вопреки ее основным принципам, законам и требованиям и выработанной веками общественной морали.

При подготовке статьи автор опирался на идею методологического плюрализма, в соответствии с которой наиболее плодотворно исследовать такую социальную проблему, как преступность, можно лишь на основе совместного использования различных социально-философских парадигм. Поэтому, во-первых, в работе использовались концепции, раскрывающие социокультурное содержание проблемы, в которых выявляется ее зависимость от ценностно-целевых установок человека и нравственных убеждений. При этом автор опирался на религиозную антропологию — понимание сущности человека. Весьма плодотворной в данной связи является концепция немецкого философа Г. Гегеля о существовании и противоборстве добра и зла, в ходе которого нарушаются законы, общественные нормы и ценности. Она позволяет рассма-

тривать преступное деяние как нарушение норм абсолютного духа, выраженного в Боге, т.е. в человеческой морали. Данная концепция строится на непосредственном взаимодействии Бога и человека, а роль посредника между ними выполняет власть, что не мешает увидеть в ее основе сущность общественной морали, которая вправе подвергнуть наказанию самого посредника. По нашему мнению, подобная постановка вопроса позволяет оценивать деяние любого человека и любых общественных структур как поступок во благо или во вред обществу в целом. Во-вторых, анализ преступности был осуществлен на основе философской концепции преступности Э. Дюркгейма, в соответствии с которой «всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекали на себя уголовное наказание» [Дюркгейм 1991: 65].

Объектом изучения выступают такое социально опасное явление, как преступность, и ее особенности в условиях типичной советской провинции в период нэпа.

Предметом исследования являются социально-экономические, политико-правовые, духовно-нравственные условия и факторы, способствовавшие устойчивому воспроизводству преступности в советской провинции.

Географические границы исследования определены южными, юго-восточными уездами Курской губернии – Грайворонским, Борисовским, Белгородским, Корочанским, Новооскольским, Старооскольским – и юго-западным уездом Воронежской губернии – Валуйским. Данные территории объединяла схожесть и сопоставимость социально-экономических и политико-правовых процессов периода нэпа. В дальнейшем (в 1954 г.) эти районы будут включены в состав Белгородской обл.

Переход советской России от милитаризованного уклада жизни к мирному привел к возникновению и развитию различных видов преступности. Статистическая отчетность органов внутренних дел Курской губернии в последние месяцы 1920 г. фиксировала относительно невысокий уровень преступности. Однако по мере возвращения населения страны к мирной жизни криминальная ситуация в уездах и волостях начинает постепенно ухудшаться.

Наибольшую активность в конце 1920–1921 гг. приобрел бандитизм, который в нормативно-правовых актах того периода квалифицировался как «контрреволюционные преступления», «преступления, направленные против завоеваний революции».

В приказе № 11 от 3 февраля 1920 г. заведующего губернским управлением советской милиции констатировалось: «В некоторых уездах Курской губернии начали проявлять свою деятельность бандиты, участились убийства, грабежи и другие преступления»¹.

В сводке секретного отдела ВЧК за 16–30 июня 1920 г. сообщалось, что в «Курской и Воронежской губерниях было зафиксировано массовое скопление вооруженных дезертиров в местностях, прилегающих к сахарным заводам. Данные группы были вооружены винтовками и револьверами». Также сообщалось, что «за последнее время участились поимки бандитов. В Корочанском уезде Курской губернии был арестован оперировавший там организатор шайки бандитов Финюк. Шайка распалась»².

В январе – августе 1921 г. в Белгородском уезде и городе Белгороде были зарегистрированы 27 случаев бандитизма, 5 случаев вымогательства³.

Нередко акции бандитских групп были направлены на уничтожение пред-

¹ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-1017. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

² Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 161. Л. 53, 57.

³ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 34. Л. 8, 9.

ставителей советской власти. Так, 4 ноября 1921 г. в 8 часов утра в селе Купино известный бандит Иван Шатерников убил секретаря местного сельского совета Ишкова¹.

Однако к концу 1921 г. в связи с объявленной амнистией многие бывшие участники бандитских групп добровольно сдавались местным правоохранительным органам².

Руководитель Корочанской уездной милиции в своем отчете губернскому управлению милиции докладывал: «Бандитизм в Корочанском уезде еще не окончательно ликвидирован. Организованных бандитских шаек не имеется, за исключением одиночных бандитов в Кулинской и Алексеевской волостях, где местные бандиты с целью наживы иногда нападают на мирных граждан с оружием в руках»³.

В конце сентября – начале октября 1921 г. в Корочанском уезде были замечены мелкие бандитские группы, занимающиеся грабежами населения. В пограничной полосе с Черниговской губернией появилась банда неизвестной численности⁴.

Борьба с бандитизмом продолжалась на протяжении всех 1920-х гг. И в начале 1920-х гг., и в середине десятилетия сводки органов внутренних дел упоминали случаи бандитизма в различных уездах Курской и Воронежской губерний. При этом далеко не всегда случаи бандитизма имели своей целью захват личной или государственной собственности. Иногда это были акты активного выступления против представителей местных органов власти.

Факты бандитизма в отношении представителей советской власти на территории юга, юго-востока Курской и юго-запада Воронежской губерний давали о себе знать на протяжении всей первой половины 1920-х гг. Так, например, согласно книге учета бандитизма по Валуйскому уезду за 1925 г., во всех имевших место проявлениях бандитизма активными участниками выступали крестьяне местных волостей⁵.

В отдельных документах правоохранительных органов отмечалось, что появление и активизация антисоветских банд в Белгородском, Корочанском уездах было положительно воспринято частью местного населения⁶.

Из оперативной сводки о происшествии по Грайворонскому уезду: «24 февраля 1922 г. в 7 часов вечера по шляху из слободы Борисовки в слободу Головчино одним бандитом, вооруженным обрезом, посредством выстрела был ограблен гражданин села Приречного Бутовской волости Ф.М. Кузима. Взята лошадь с санками»⁷.

Согласно сводке информационного отдела ГПУ от 7 июня 1922 г., в Борисовском уезде Курской губернии отмечалась деятельность банды Репцевича. В Грайворонском районе Борисовского уезда отмечалось появление банды незначительной численности. Банда была вооружена винтовками⁸.

В то же время материалы многочисленных уголовных дел по фактам бандитизма свидетельствуют о том, что эти преступления преимущественно совершались из корыстных побуждений. Согласно сведениям начальника уголовного розыска Белгородского уезда, только в июле 1923 г. на территории

¹ ГАБО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 76. Л. 56.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 225.

³ ГАБО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 161. Л. 20.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 388. Л. 425.

⁵ ГАБО. Ф. Р-384. Оп. 7. Д. 6. Л. 1-4.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 304.

⁷ ГАБО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 86. Л. 58.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 465. Л. 227.

г. Белгорода были зафиксированы три случая бандитизма: убийство с целью ограбления, избивание граждан при попытке забрать вещи и одно вооруженное ограбление¹.

Ситуация с бандитизмом в начале 1920-х гг. на территории Воронежской губернии также вызывала серьезную обеспокоенность как у руководства центрального аппарата правоохранительных органов, так и у губернского руководства. Как отмечалось в госинфосводке информационного отдела ВЧК за 10 июня 1921 г., на границе Богучарского уезда и Харьковской губернии действовали банды Каменюка-Ястребова в 200 сабель и с одним пулеметом. В Острогжском уезде скрывались остатки банды Колесникова².

Органы ОГПУ в середине 1920-х гг. в своих сводках по ситуации в стране вновь констатировали ухудшение криминальной ситуации: увеличение числа совершенных грабежей, случаев конокрадства и квалифицированных краж. Среди губерний Центральной России в наибольшей мере эти преступления проявились в Курской и Воронежской губерниях. Одной из особенностей бандитизма в этих регионах было то, что подавляющее большинство участников бандитских групп были выходцами из беднейшего крестьянства (80%), а их руководителями – представители профессиональной преступности: рецидивисты, воры-специалисты (20%)³.

В обзоре политического состояния СССР за ноябрь 1926 г., подготовленном ИНФО ОГПУ для высшего партийно-государственного руководства страны, отдельный раздел был посвящен борьбе с бандитизмом⁴. Что касается губерний Центральной России, то в нем отмечалось, что существенных изменений в уровне бандитизма в отчетном месяце не наблюдалось. По-прежнему наибольшее число вооруженных ограблений приходилось на Тамбовскую, Воронежскую и Курскую губернии. Всего в этих регионах в этот период действовали 19 банд (95 чел.), в октябре 1926 г. – 18 банд (99 чел.). Уголовные бандитские группы осуществили ряд вооруженных ограблений отдельных граждан, кооперативов, советских учреждений и почты, нередко сопровождавшихся зверскими убийствами.

По мере углубления нэпа и отхода от методов регулирования социально-экономических и политико-правовых вопросов развития советского общества периода военного коммунизма наблюдались сдвиги и в динамике различных видов уголовной преступности. Если в начальном периоде нэпа органы милиции регистрировали наибольшее число преступлений против личности (убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, грабежи), то по мере углубления нэпа преобладающим видом преступлений на территории южных, юго-восточных уездов Курской и юго-западного уезда Воронежской губерний стали имущественные преступления (различного вида кражи, подлоги, растраты, мошенничество и пр.).

Согласно статистическим сведениям о деятельности Белгородского уголовного розыска за декабрь 1921 г., наблюдалась следующая ситуация с раскрываемостью отдельных видов преступлений: кражи свыше 1 000 рублей – заявлены 75, раскрыты 41; карманные кражи – заявлены 6, раскрыты 3; кражи животных – заявлены 20, раскрыты 5; простые грабежи – заявлены 4, раскрыт 1; вооруженные грабежи – заявлены 5, раскрыт 1; покушения на убийство – заявлены 2,

¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 104. Л. 10.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 437.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 23. Д. 1047. Л. 272.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 439. Л. 357-358.

раскрыто 1; убийства – заявлены 6, раскрыты 4; мошенничество, подлог и вымогательство – заявлены 1, раскрыты 0)¹.

Таким образом, уровень раскрываемости преступлений, зарегистрированных на территории Белгородского уезда в начальном периоде нэпа, характеризовался достаточно низкими показателями.

Несмотря на неполноту сведений (например, в отчетах о деятельности Белгородского уголовного розыска за 1922 г. отсутствуют сведения за июль, август, сентябрь и октябрь), тем не менее, представляется возможным выявить общую динамику преступности в г. Белгороде и Белгородском уезде в первый год перехода к нэпу. Итак, за 8 месяцев 1922 г. больше всего поступило заявлений от граждан о кражах – 439 (раскрыты 254), затем следовали заявления населения о кражах домашних животных – 171 (раскрыты 69), число убийств составило 30 (раскрыты 21), от простых грабежей пострадали 28 чел. (раскрыты 16 случаев), заявлений о карманных кражах оказалось 9 (раскрыты 7). Были зарегистрированы 8 краж со взломом, 4 вооруженных грабежа. Раскрываемость по данным преступлениям оказалась самой высокой. По таким преступлениям, как кражи железнодорожных грузов, а также покушение на убийство, заявлений в милицию в указанном году не поступало.

Анализ движения уголовных дел у народного следователя 1-го участка Белгородского уезда за 1922 г. (приложение 3) свидетельствует, что наиболее распространенными видами преступлений в этот период являлись: имущественные преступления (VI гл., ст. 180–199 УК); должностные преступления (взятка) (II гл., ст. 105–118 УК) и преступления против жизни, здоровья и свободы личности (V гл., ст. 142–179 УК).

Одной из групп населения, которая наиболее часто совершала преступления имущественного характера на территории Курской губернии, являлись беспризорники. Поэтому преступность и правонарушения среди беспризорников были постоянно в центре внимания губернских и уездных властей, руководителей отделов милиции. Естественно, это было не случайным. Из статических материалов органов, непосредственно занимавшихся работой с беспризорными, явствовало следующее. Правонарушения несовершеннолетних, прошедших через комиссию по делам несовершеннолетних, характеризовались следующими показателями: кражи и другие имущественные правонарушения составляли 80%; хулиганство и другие правонарушения против личности – 16,5%; остальные правонарушения – 3,5%².

В целом криминальная ситуация в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском уездах Курской и Валуйском уезде Воронежской губерний в первой половине 1920-х гг. оставалась сложной. Значительное число регистрируемых органами внутренних дел преступлений оставались нераскрытыми.

Представленная выше информация является подтверждением того очевидного факта, что к середине 1920-х гг. уголовная преступность укоренилась в повседневной жизни советской провинции.

Как свидетельствуют статистические данные, общий уровень преступности в советской провинции оставался примерно на одном уровне. Определенным исключением можно считать рост числа случаев бандитизма в отдельных местностях. Это было обусловлено проблемами в социально-экономическом развитии: многие планы относительно роста жизненного уровня оставались не rea-

¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-309. Оп. 9. Д. 34. Л. 13.

лизованными; результаты развития промышленности и сельского хозяйства не соответствовали ожиданиям граждан.

Список литературы

Дюркгейм Э. 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии* (пер. с фр. и послесл. Л.Б. Гофмана). М.: Наука. 572 с.

EL'CHANINOV Petr Mikhailovich, postgraduate student at Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; petr.elchaninov@yandex.ru)

CRIME IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY OF THE SOVIET STATE, 1921–1928 (on materials of Kursk province)

Abstract. The article is devoted to one of the problems, insufficiently studied in modern Russian history and law. It is the specifics of the development of regional crime and its control in the period of the new economic policy of Soviet state (1921–1928). The geographical boundaries of the study are indicated by the territory of the modern Belgorod region (at that time it was the southern and southeastern counties of Kursk province and one southwestern county of the Voronezh province).

The study is based on a wide range of sources, primarily archival ones. The author extracted a significant body of documents from the regional archives of the country (GAKO, GABO). The article also used materials of the Central archive of the FSB of Russia. The vast majority of documents are newly introduced into scientific circulation. The study presented a wide palette of daily life of the people of the Soviet province in the period of transition to the NEP. The author pays a special attention to the causes and conditions for the reproduction of various types of crime in the 1920s on an example of a typical Soviet province.

Keywords: Kursk province, banditry, type of crime, characteristics of crime